

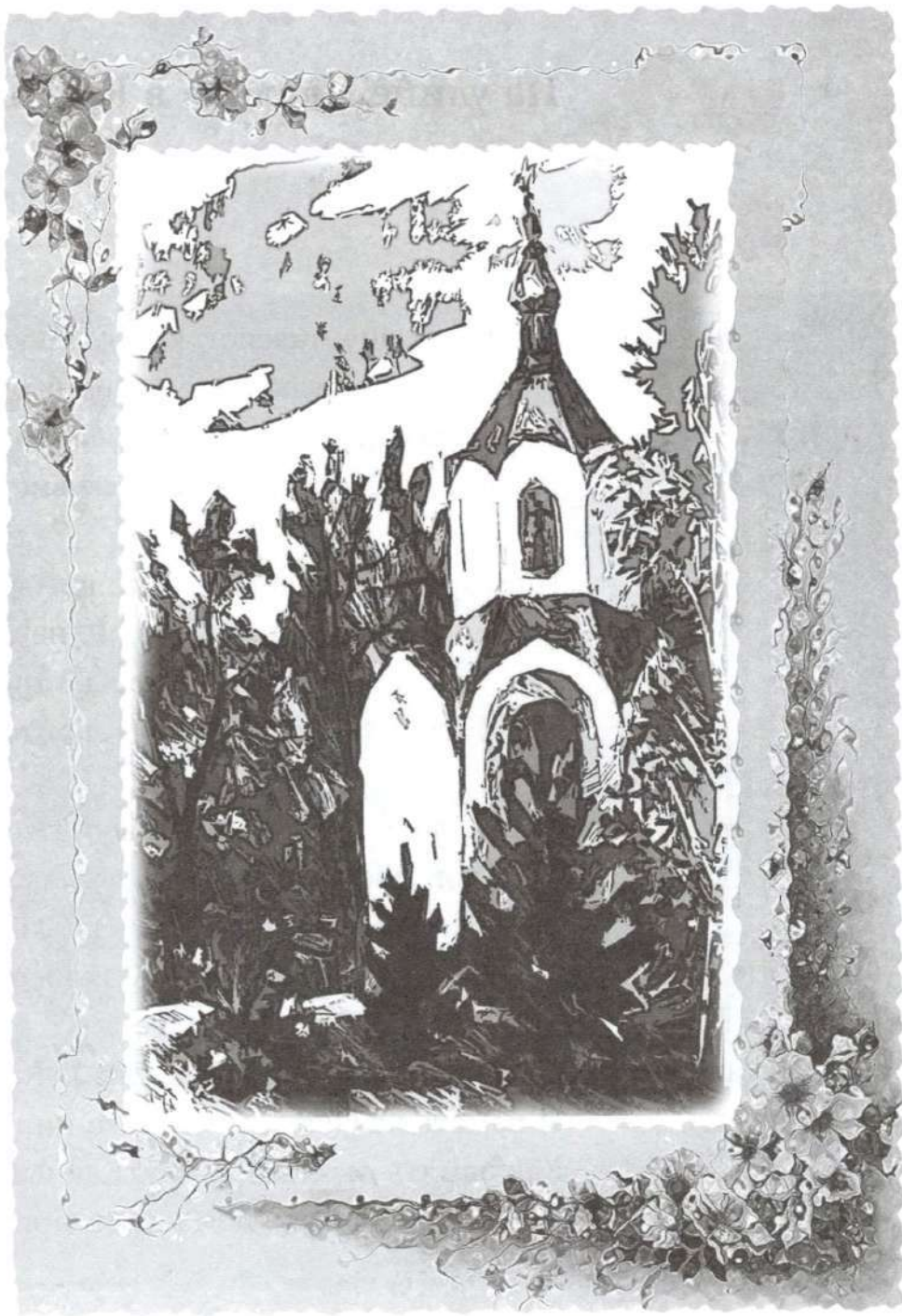
На улице Павлова в Кишинёве

Скажи-ка мне, таксист, какая это улица?
Уж ты не обессудь: я всё позабыл.
Тот домик-магазин давно, наверно, трудится?
Знакомо будто всё, а вспомнить нету сил.

Притормози, таксист! Гляди: крылечки старые!
Ах, детства вон куски! Постой, не увози!
Но... что... за этажи? Бордюры с тротуарами?
Как будто сон и явь. Таксист, притормози!

Здесь были, погоди... домишки с голубятнями...
Там мальчик одноногий скакал на костыле...
А как гремел трамвай, облепленный ребятами,
И пыль клубилась тучею и стлалась по земле!

...Подернуты живым года пятидесятые,
И память не унять, ей сколько ни грози.
Как память детством жжет! Какие боли – датами!
Притормози, таксист! Таксист, притормози!

Часовня. Музей болгарских ополченцев
(построена в 1882). 1979

Александр ПОПОВ

* * *

август в жёлтое варенье
леденец кладёт
всё проходит, всё кружение
ты уже не тот

кошка с мышкою играла
проиграла мышшь
у полночного вокзала
пассажир стоит

нам до фени эти тени
стоптанный перрон
сердце сбилось на сомненья
хочешь, выйдем вон

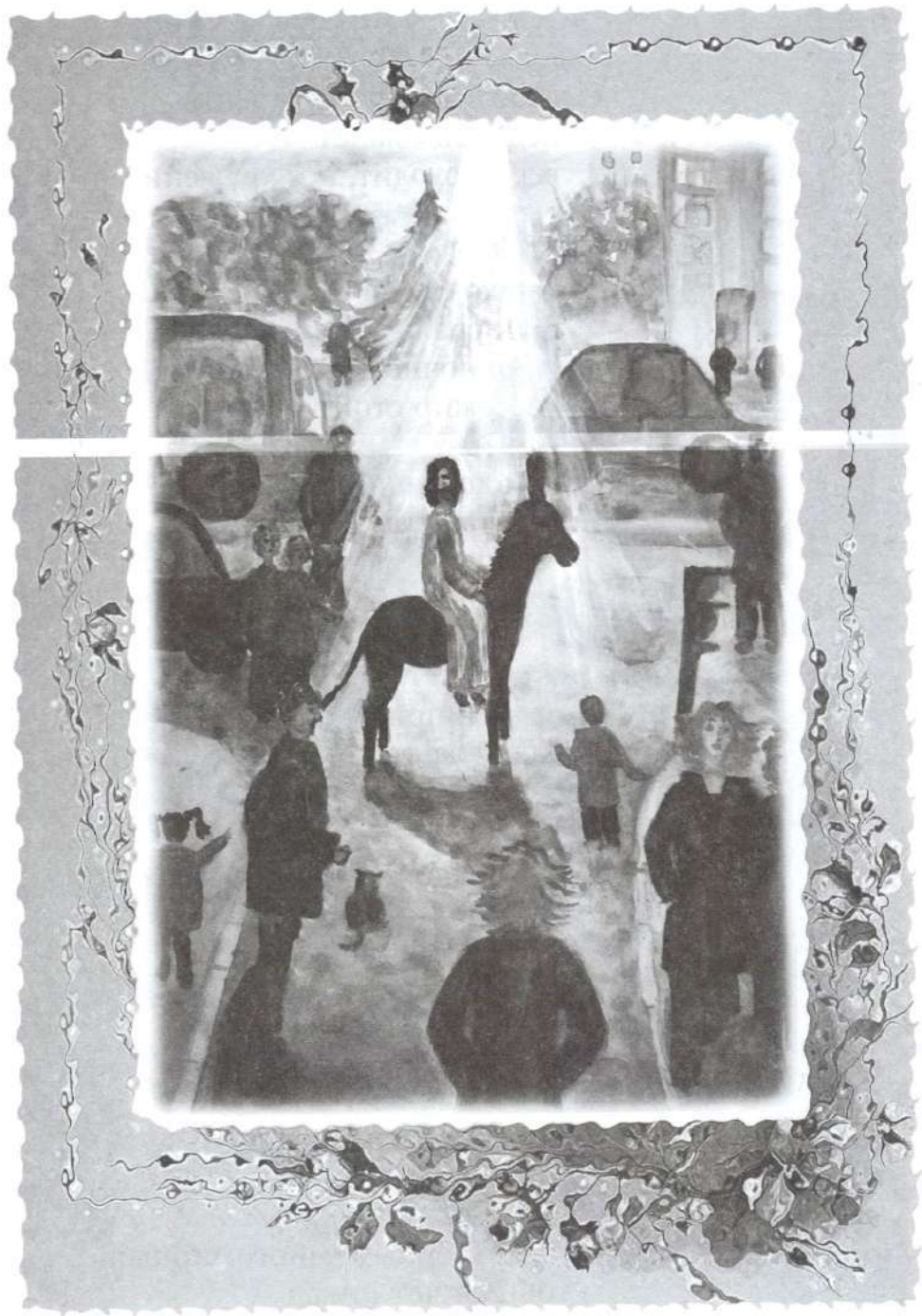
это август, это время
нам ли привыкать
банку жёлтого варенья
пассажиру дать

сладко музыка играет
метеор летит
в репродукторах не знают
что там впереди

будто ты забыл кого-то
в городах ночных
это августа работа –
что судьба, что сны

многомерный, многомирный
точный чёт цикад
вдаль по ниточкам железным
поезда стучат

это август, город тонет
тёмные сады
на распахнутом перроне
пассажир стоит

«Въезд в Кишинёв». С. Кантемир
(ШИ, преподаватель С. Сулин). 1998

Южная ссылка

1

В сентябрь время движется полого,
Осенние цвета темней и гуще,
В пыли и зное кишинёвская дорога
Бежит, связуя прошлое с грядущим.

А на обочине, вне временного хода,
В пыли, что поднял жаркий южный ветер,
Стоит усталый генерал пехоты
И смотрит вслед отъехавшей карете.

«Ну вот, уехал юный подопечный...
Опять покой настанет в Кишинёве,
Никто не будет всем подряд беспечно
Слать вызов на дуэль, поймав на слове.

Что вольнодумье! – юности забава.
Я верю, ждать уже совсем недолго:
Конечно, впереди большая слава
И томик Пушкина у каждого на полке.

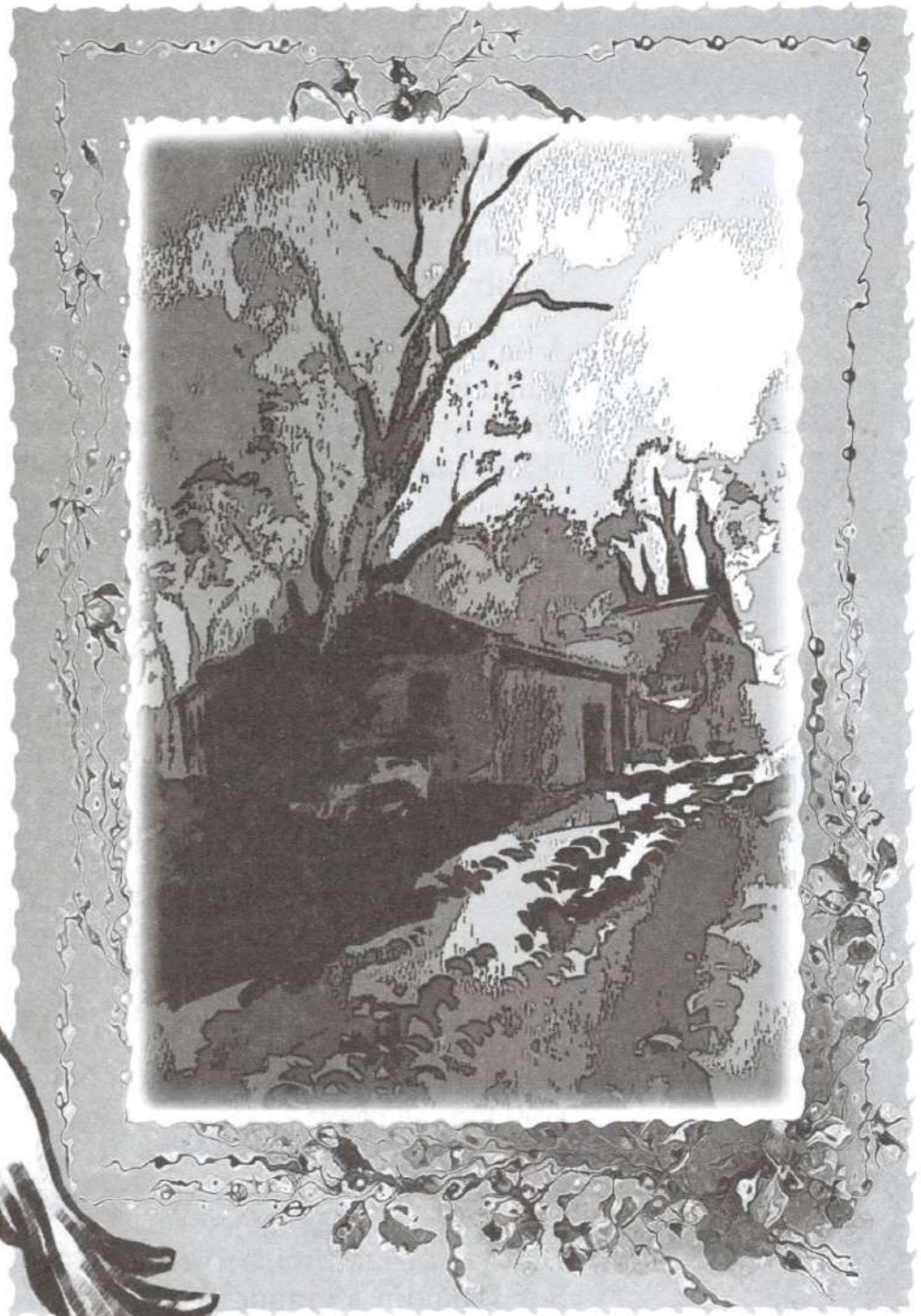
Еще чуток – глядишь, остепенится,
Накопит денег, будет жить как люди...
Наездится еще по границам,
А про Молдавию и думать позабудет.

Жизнь в Петербурге, слава и богатство,
Признание света – редкая удача ...
Такой талант рождается не часто.
Он будет понят – ведь нельзя иначе.

Он будет счастлив, это твердо знаю.
Вот Пушкин в старости – все так же быстр и точен,
Сидит он в кресле, голова седая...
А может, лысая? – и генерал хохочет.

– Пора, Иван Никитич, на квартиру.
Остынет все. Смотрите – уж двенадцать!
...Пылит дорога. Человек в мундире
Устало обернулся к ординарцу.

Дела, дела рутины бесконечной...
Дела, дела губернии убогой...
Ну вот, уехал юный подопечный.
В пыли и зное кишинёвская дорога.

Старый город. Ул. И. Крянгэ. 2006

От нас сокрыто будущее время.
Оно и к лучшему – зачем иное ведать?
И старый Инзов, генерал от инфантерии,
Вздыхнув, отправился домой. Обедать.

2

Снег летит. В стремительном кружении
тени мостовых мелькают спицы.
Остывает площадь. Неужели
Будет лето в северной столице?
Неужели, кроме этих стылых
Желтых улиц в облаке рассвета,
Что-то было? Ну конечно, было.
Вы, наверно, помните все это.

...Август. Полдень. Степь в оцепенении.
Пахнут травы пылью, солнцем, хлебом...
В дымку дня бегут полей ступени,
И плывет над головою небо.
Что играет полевой оркестр
Над землей в лоскутном одеяле? –
Звон сверчков уходит в поднебесье,
Растворяясь в летней пасторали.
Как стада приходят и уходят,
Все за край уходит, а за краем –
Только неба голубой колодец
И ковыль, и флейта полевая...

В долгой ссылке на далеком юге,
Где Овидий в летнем звоне ожил,
Кажется, что петербургской вьюги
В мире нет роднее и дороже.

Но – пора. Всему приходит время.
Снег летит. Давно забыто лето.
Секундант заснеженный отмерил
Десять медленных шагов до края света.
Господа, пора стрелять. Забыли?
И рванулся искрами из дула
Скрип телег и запах летней пыли;
Снова в южном зное степь уснула...
Как давно... как будто в прошлой жизни.
Как давно. Сейчас уж и не вспомнить,
Как ползли на холм пустые избы,
По одной проваливаясь в полдень.

Примэрия (архитектор А. Бернардацци. Построена в 1901). 2017

Дрессировщица каменных львов

Лишь подбросит над городом солнце,
словно сокола, день-птицелов,
убегает проведать питомцев
дрессировщица каменных львов.

Кто-то в парковой рыщет аллее,
кто-то бродит бездомным крыльцом.
Неподвижная прядь тяжелеет
над звериным усталым лицом.

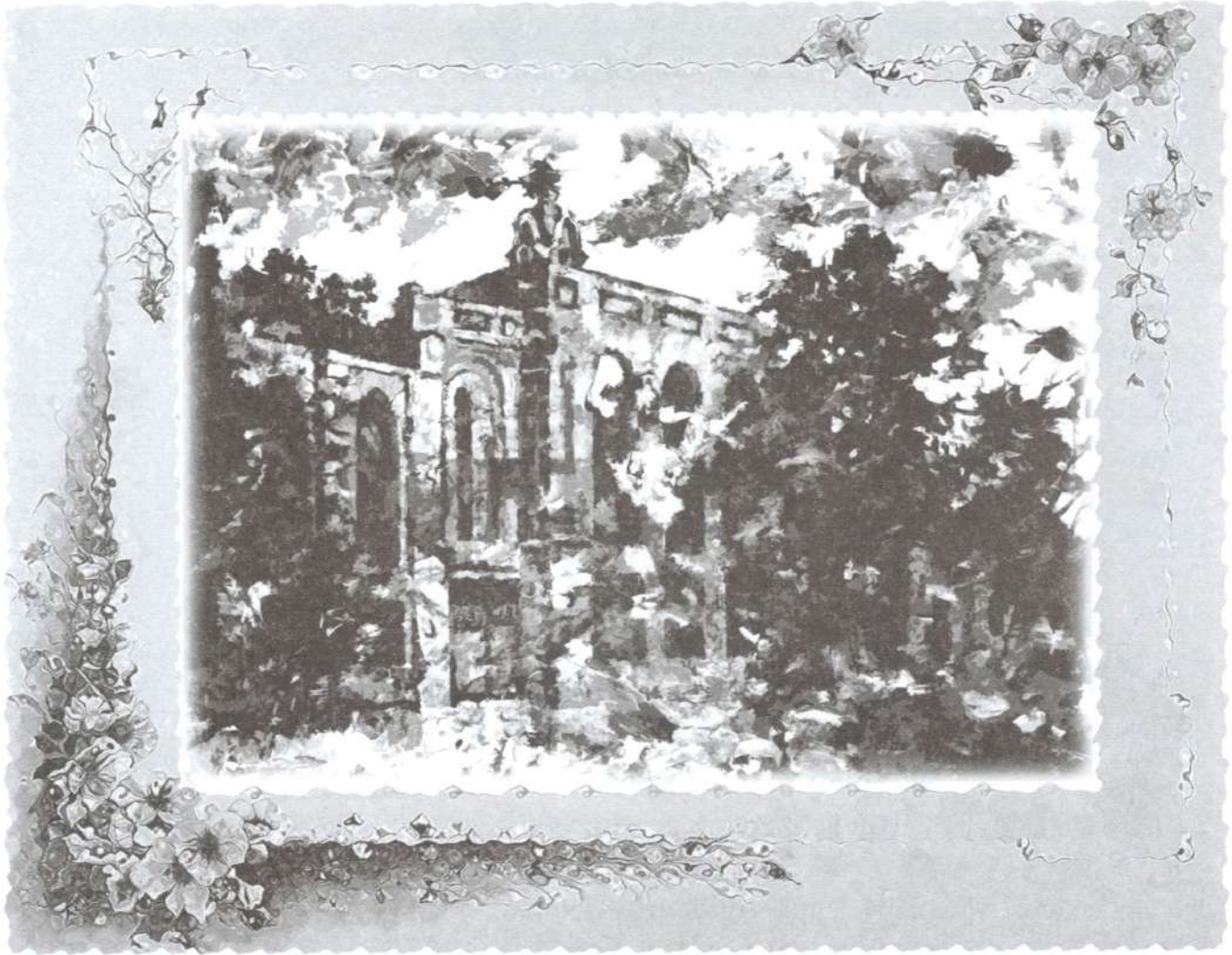
Камень дышит, ведёт разговоры,
отгоняет приبلудных ворон,
и, рычащий на всех без разбора,
улыбается ей маскарон.

Кто привратный, а кто подзаборный –
безразлично, лишь ведомо ей:
под ладонью теплеют покорно
ледяные хребтины зверей.

Ей живётся как будто бы спится,
но когда-нибудь выйдет она
беломраморной облачной львицей
из вольера дорожного сна.

И, спросив настоящее имя
у знакомого каждого льва,
улетит с невесомыми ними...

... и на улицы хлынет трава.

Старое здание. Ул. В. Александри. 2015

Постепенно

Мой город быть моим перестаёт:
Так – по одной – в ковре меняют нити.

Как прежде, горделиво реет кот –
оранжевый – в помоечном зените,
над липами стоит пчелиный дым,
фасады в театральном макияже...

Былинками поросшие следы,
кем скошены вы были, – кто расскажет?
И как теперь вернуться мне туда
(по ёжику отросшему отавы),
где прошлым летом умерла вода,
а нынешним – ключом забили травы?

Всё так же, как и было, – но не так.
Всё те же, что и жили, – но не те же.

Зазубренное пение собак
ночную тишину на ломти режет –
там улица, впадавшая в торец
сарая, собрала однажды силы,
препятствие пробила наконец
и зданиями пустошь затопила.

В его глаза внимательно смотрю,
не веря, что они – давно другие,
что узнаванье – тривиальный трюк
застрявшей на гастролях ностальгии;
знакомых слов горошины в пшене
чужих речей ищу, почти немая...

Так и живём – я в нём, а он во мне –
ещё любя, уже не понимая.

Перекресток ул. А. Шусева и Киевской. 1985

Вёрсты дождевные

Потупив очи долу, на заре,
в пустом академическом квартале,
сегодня пели так в монастыре,
как будто люцифера ожидали –
повсюду пламенели голоса,
то вспыхивая вдруг, то затихая,
и раздували ноздри небеса,
и била в барабан гроза сухая,

а после в белокаменном стогу,
подмяв многоэтажные початки,
валялся дождь, выкусывая мгу
из жёстких шкур асфальта и брусчатки,
и всем, кого по свету развели,
об их неразделимости не зная,
казалось, что от неба до земли
верста намного меньше, чем земная.

Беспощадная нежность

невысокие окна, ворота, балконы,
мавританские башни над старой тюрьмой.
синеватые сциллы с пчелой полусонной
перевязаны ниткой и пахнут зимой.
ничего наперёд: ни улыбки, ни вздоха,
лишь на дне запрокинутых к небу зрачков
хворостиной отчаянно хлещет Евдоха
разжиревших на вольных снегах гусаков.

разделённостью станет отдельность когда-то,
а пока я с собой прихвачу по пути
чёрно-красный мундир земляного солдата
и фиалочки ушки в овражьей горсти.
всё знакомое прежде – покажется новым,
будто нет и не будет вовеки скорбей
и неважно, когда времена остановит
заплутавший в песочных часах скарабей.

проходными дворами, садами глухими,
по пути подбирая то букву, то две,
я тебе сочиняю особое имя –
и при встрече теряю его в рукаве,
и опять принимаюсь молчать и лукавить,
потому что, потерям не зная цены,
беспощадная нежность воюет без правил,
а трофеи и пленные ей не нужны.

ЦПКиО. Верхняя аллея. 1979

В Боюканском дендрарии

Сентябрь стряхнул каштаны утру,
Оплёл кувшинками запруду,
Согрел лягушек на камнях
И, множа фырканье коня,
Переливался в рыжей гриве,
Свисал косичками на иве,
Петлял тропой, аукал в гости
И уводил по травам в осень.
Рябил. Скользил по водам мелким,
Подбрасывал пугливым белкам
Орехи с пожилых орешин,
Жучков выуживал из трещин.
Спешил любовью истомить
И ветром солнечным омыть...
И полыхал на небе шар.
...А грач картавил – кар, да кар.
Жил город на границе с чудом,
Глушил автомобильным гудом,
За тонкой, парковой оградой –
Исчадье ада.

Остановка ДРУГ

По дороге на работу я смотрела через запотевшие стёкла троллейбуса, а мимо меня, как в чудесном кино, проплывали деревья и прохожие. Как будто по волшебству, рождалась картина осенней природы, которая богата на дожди, ветры, первые утренние заморозки, опадающие листья, так похожие на резные солнца.

Иней ночью выпал,
По утрам морозит,
Сыпятся с деревьев
Рыжики-каштаны,
Смазанные краски
Утренних туманов.
И плывёт троллейбус
В осень... осень... осень...
Запотели стёкла,
Я дышу на стёкла.
Мир полупрозрачный
Вдоль бортов волной.

Пруд под виадуком. Р-н Ботаника. 1988

И топорщит рожки,
«Дворниками» машет,
Хлюпает дверями
Транспорт неземной.

Заплывают люди,
Выплывают люди,
Заспанные лица
Ночь не отдаёт.
Улыбаться буду
Только потому, что
Мир течёт в столицу,
Я спешу вперёд!

Э-ге-гей, возница!
Мой билет по праву
Выдан был на счастье
Мне из добрых рук.
Рожки с облаками
Прямо по странице
Брызгают и мчатся
К остановке ДРУГ!

Кишинёвский почтальон

Мой город тонет в нечистотах,
И разуму принять невмочь.
Был человек... А нынче кто ты?
Возможно ли тому помочь,
Кто копошится со сноровкой,
По мусоркам от сих – до сих?
(а я спешу без остановки
бочком и мимо сирых сих),
Кто, подстелив одну картонку,
Скулит на голой мостовой
И извлекает из ребёнка
Уже нечеловечий вой.
Передавая опыт страшный,
«Христом» просить, пусть сам лукав.
Так младший учится у старших
Цепляться взглядом за рукав.
И столько злобы затаённой
В униженных перед судьбой...
Бог мой! Ты стал бы почтальоном?!
А Он в ответ: «Я шёл с тобой».
Путь по земле проложен Богом,
И я с почтовой сумой
Судьбою меряю дорогу,
И столько вижу, Боже мой!

Кишинёвский дворик. 1975

* * *

В этом царстве белок да сорок
Долго детство нежилось мое,
И хранило каждый стебелек,
Как в гербарии волшебном, сердце.
Там с живых трепещущих страниц
Мотыльки цветов слетали в душу,
Превратившую кусочек суши
В колыбель, – Рышкановский мой лес!..
Клевер, Лютики, Репей, Полынь-трава,
И еще вот эта – Без названья,
Миг – и колыхнулись очертанья
Родины, но подходить нельзя
Ближе! Здесь бессмысленны слова,
Каждый взмах ресниц и так понятен,
Клены в маскхалатах светлых пятен
Внятно шелестят: ты нам родня!
...Теплый лепет близких милых трав,
Бег кошачий зыбкого ручья,
Тень акаций, маленькая я –
Заповедный рай единоверцев,
Заговорщиков, чей говор тише всей
Тишины с небес сошедшей ночи,
Что, к лицу приблизив близко очи,
Уведет за тридевять земель...

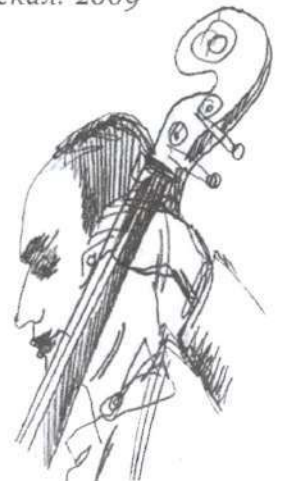
**Три часа ночи 10 января,
Боюканы – Рышкановка,
с Ю. и В. Киркиными**

Глотать нетающий снег
дремучей Сахарой ладоней,
в непостижимый час
вламываясь в тишину,
вскрывая черные вены
улиц – голосами,
острым шепотом бреда –
обещание: «Еще полчаса».

Смешной заведомой лжи
вовремя врученный посох,
пилигримов нелепых
хромающий аллюр,

Ночной перекресток. Улица Армянская. 2009

и запахи города – сущие,
не убитые дневным чадом,
оглушают, сбивают
тугими волнами с ног.

Хлебозавода дыханье –
будто огромный младенец,
розовый, теплый, выкушав
внушительный бутыль молока,
уснул и вспотел,
и положенными звуками
торжественно оповестил,
что жизнью доволен – сыт.

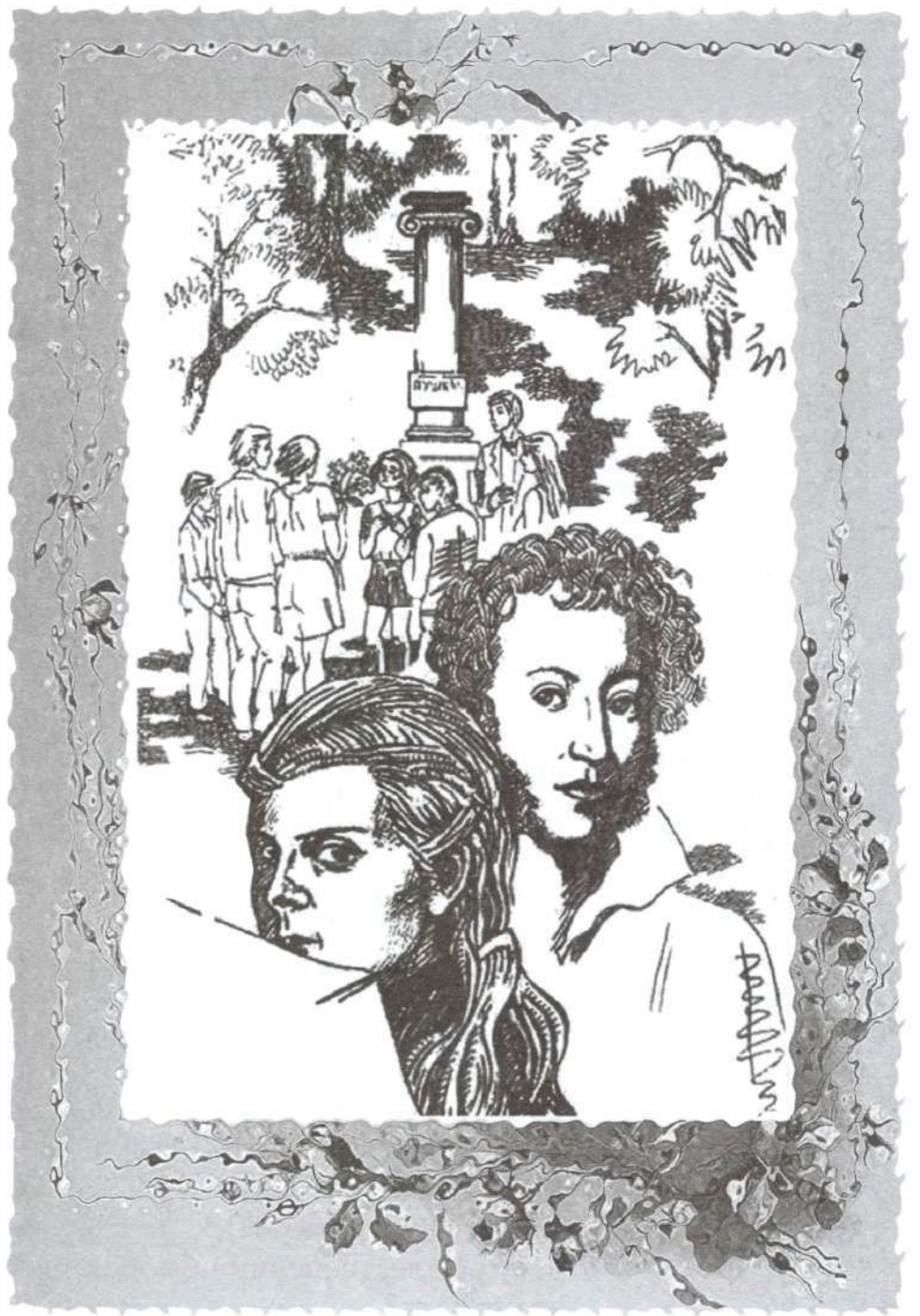
А этот – из детства –
запах свежих опилок
(мебельная фабрика – мимо)
Почти ощутим
когда ж это было? –
праздник спелых поленьев
оловянными солдатиками
готовых прыгнуть в огонь...

Мучительное нечто
январского еще – не утра
истории спутника справа,
молчание – впереди
сюжет для фантастического рассказа
с названием типа:
«три сновиденья в пути»

Лающее зазаборье домовладельцев,
Мерцающая инопланетно
вожделенная близкая даль...
В какое странное богомолье
эта лесная тропинка
(послесловие трассы),
этот рождественский обморок,
эта печаль?

* * *

В безнадежности – своё очарованье.
Ты выходишь – небо над тобой –
Не покров, не сфера упования –
Атмосферы купол голубой!
И – за всё и всех одна в ответе,
Сбросив гнёт знамений и чудес,
Поглядишь в глаза последней трети

Пушкин в Кишинёве. Связь времен. 2000

Жизни ласковой...
Рышкановский мой лес!
Лягушачий рокот ликованья
Обрамляет соло соловья,
Суета сует возводит зданья –
Пирамиды бога Муравья...
Лес мой, – Лис, прирученный навеки, –
Здесь, у сердца, рыжий вьёт клубок.
Безыскусно, лишь прикроешь веки
Всё воркует дикий голубок
С ободком сиреневым на шее.
Вот и горлинка, – изящна и чиста...
Здесь ни ястреба, ни выстрела,
И реет,
Очи долу, – вечно – красота!

По ночному городу

Как заглянешь в чужие окна – тоскливо:
Человечий – ко сну – муравейник отходит.
А на всех остановках – ликер, водка, пиво,
А троллейбус мой, видно, уже не ходит.

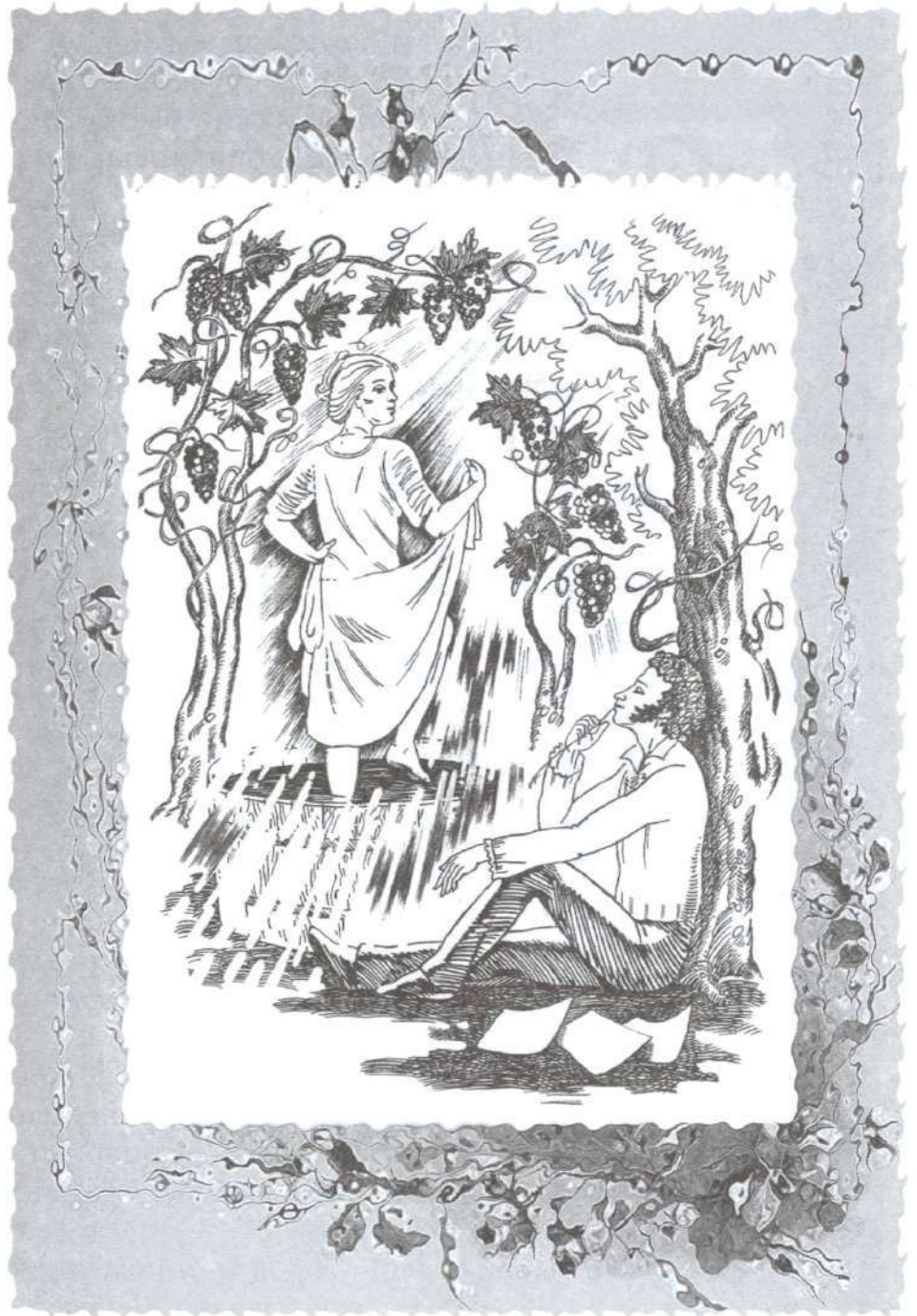
Из ночных подворотен (читайте: баров) –
Коромыслом дым, музыка не по погоде,
А в крутых ресторанах едят омаров,
Там сытнее «программа культурная», вроде...

Темень. Ветер терзает огни над базаром,
Тени мечутся душами в преисподней,
А тела промерзают, дыша перегаром,
Согреваясь лишь выручкой за сегодня.

...Так спешил город мой поменять одежды –
Шлепал вывески, ушлых снабжал охраной!
Выраженье задумчивости нежной
Прищур алчности вытеснил вдруг рьяно.

Я бегу твоих улиц, памяти чуждых,
На вчера оставляя вкус буден прогорклых,
От витрин, от чужбин хэппи-эндюв натужных
Утыкаюсь в колени Пушкинской горки.

Здесь иного столетья, не прошлого даже
Листопад вечный, нега, самозабвенье...
Глядь! – стоит Кишинёв (милый черточкой каждой!)
Отрешенно бормочущий стихотворенье...

Пушкин в Бессарабии. 2000

Сбор винограда. Кишинёв

Во дворе во дворике солнечно и бабье
лето,
гроздья виноградные в тазики ложатся –
сок
будет у детишек, а вино у взрослых,
это
мой любимый город – улей драгоценных
нот:
детки да котейки, облака и птицы,
травы, пёс, цветы,
голос старой плёнки Булгака Олега,
осень, я и ты
вечно будем длиться (муста дух клубится,
блики, тяга, хмель...)
даже после жизни,
жизни после смерти –
солнца канитель...

* * *

Вновь на кладбище, на Армянском, весна:
Белки носятся, заходится соловей
из «квартир» зимних – склепов –
выползают бомжи,
и судачат с привиденьями
благородных кровей:

что, мол, век двадцать первый, судари на дворе
и нет дела ему ни до жизни их, ни
до тягучей кончины

(да разве ж это жизнь...)

Вот на Ра-адунуцу!

разжиться харчами? –

Только чихни!

Жаль-то как: Пасха Мёртвых

в году лишь раз!

Но, зато, воспоминаний – до Рождества!

Повздыхав, умолкают,

видят сны наяву,

из столетия прошлого

детство кличет к себе...

Разомлевшее солнце –

последняя радость в судьбе

прогревает реликтовых ящериц

до глубин естества...

А.А. Никитин

Петр Кузнецов

Ул. Парковая. 1984

* * *

Памяти Константина Семеновского

«Осмотрено. Мин нет. Л-т Кутепов»
На старых зданиях весною прорастает
Сквозь свежий слой постыдной штукатурки,
Как кровь, – дымясь на ранах, – сквозь бинты.
И сколько б память нам ни вытравляли,
Хозяева «бабло» жующей жизни,
Найдется хоть один, кто будет росчерк
Победы Негасимой выводить!

* * *

Июньский храм цветущей липы
Над Кишинёвом воспарил
Мелькают дней цветные клипы
Под сенью светозарных крыл.
И ночи – слоганов короче.
И ливни – сборники молитв
И каждый миг мне счастье прочит,
И в лужах – небосвод разлит.

Центр Вселенной

Напеку плацынд,
Назову друзей
В десять тысяч рынд
Радости моей.
Звон! Но якоря
Бросил старый дом,
Летние моря
Плещут в доме том.
А на берегу, –
Дверь лишь распахни:
Все, что берегу
Для большой родни
Будет распевать
Тыквы граммофон
Улеем жужжать
Жаркий небосклон,
И над головой
Крохотный мой сад
Спрячет под листвой
Млечный виноград.

Дом-музей А.С.Пушкина. После апрельского снегопада. 2017

Зелены глаза
Радости моей,
К вечеру гроза
В гости грянет к ней!
Будет пес скакать
По двору с детьми,
Синими сверкать –
С крыши – кот очьми,
Дух повеет пьян
Старого вина
Кто не добр, не пьян, –
Не моя вина!
Город Кишинёв –
Центр Вселенной всей,
О, смотритель снов
Радости моей...

Апрель. Циклон

И слёзы снегом заедать
и тщетно биться с непогодой
в ладони всё дышать
напрасно грянувшей свободой
не журавлей уносит клин
курлы дерева Кишинёва
сонм вишен тополей осин
цветущих яблонь снова снова
ты слышишь ночью этот треск
ты понимаешь что не властен
остановить исход небес
избавить город свой от власти
хапуг временщиков жулья
лишающих людей надежды
что эта нежная земля
хранима Господом как прежде

но в «доме Пушкина» убит
дуб золотого лукоморья*
жест повторённый так пиит
в снег рухнул и зашлась от горя

не поняла моя сирень
за что растерзана вмерзает
в подснежный сумрак ада тень
сошла на город и не тает

21.04-17

* 21 апреля от снежных завалов рухнул огромный дуб
в кишинёвском Доме-музее А.С. Пушкина.

Надпись на жилом доме Старого города, оставшаяся с 1944 года.

* * *

Какой бы долгой ни была зима
Мне ею, – все равно – не надышаться.
Когда душа униженно-нема,
Пойдем на саночках, мой свет, кататься!
Квартал столицы замер и поднял
Лицо домов своих одноэтажных
Навстречу снегу, и ничтожно мал
Груз суеты, счетов, дел архиважных.
Сейчас. Сей миг. (Мой детский Кишинёв,
Ты сколько б в европерья ни рядился,
А будешь мил, а будешь вечно нов
Неновизной, – для тех, кто здесь родился!)
По улочке заснеженной ночной
Неспящих двое меж деревьев бродят:
Свирель метели, нежности прибор,
Подснежники, что лишь в душе находят...

Благодатный огонь

Все улицы впадают в Храм,
исполнены ветвей томленьем –
предчувствием листвы, веленьем:
мир хижинам, земле, сердцам!
И мимо чьих-то душных снов
всё Млечная струится речка,
и свет в ладонях, Кишинёв,
несу я к милому крылечку...

Крыши старого города. 2010

* * *

Декабрьский дождик в Кишинёве,
И вдруг с утра светлым-светло:
Пахнуло холодом с верховий,
Все забелило, замело.

Остатки лета растрепала
Зима, вступив в свои права,
Но светится кроваво-ало
В снегу кустарников листва.

Но кое-где меж голых веток
Вчерашней зеленью сквозит,
И как из будущего лета
Травинка тянется меж плит.

Из стихов о Пушкине

1

...Он спросит у Калипсо Полихрони,
Как по-турецки: Дайте мне коня?
Зачем – коня? Для бегства? Для погони?
Куда бежать, безжалостно гоня?

«Вер банаат», – заучит эту фразу
И повторит не раз, не два подряд.
За рубежом не побывав ни разу,
Не применил нигде «вер банаат».

Что заберет, что кинет в Кишинёве
Он, оставляя свой опальный кров?
Но словно растворилась в гуле крови
Язвящая мелодия тех слов.

И в Петербурге, в светском разговоре,
Вдруг вырвутся турецкие слова
Невольною мольбой о вольной воле,
Да так, что закружится голова.

Никто обмолвку эту не заметит –
Не слушают, все больше говорят.
А он почует горьковатый ветер,
Услышит звон копыт: вер банаат

А.С. Пушкин
(фрагмент картины «В ночном».
художник С. Сулин). 1998

«О Кишинёве я вздохнул...», – так брату
Признался он в письме меж прочих слов,
Совсем забыв, наверно, что когда-то
Писал: «Проклятый город Кишинёв!»

Да, здесь неволя – за мечты расплата.
Достигнет ли сюда свободы зов?
А Кишинёв за все его утраты
Вновь дал надежду, дал тепло и кров.

Здесь, от столицы северной далече,
Судьба такие подарила встречи
На всех ветрах бесчисленных дорог,

Каких его раздумий здесь исток,
Увозит он напев молдавской речи...
О Кишинёве не вздохнуть не мог.

3.

Ищу его в квартале, что под снос
Определен, где длинные халупы,
Где узкий двор в углах травой зарос
Где пряно пахнет чесноком и супом.

Вот выйдет он из низеньких дверей,
В рубахе красной, в сапогах и с тростью
Железною.

Недавно здесь гостил,
Учтивый и немного ироничный.
Не удивившись, со двора ступил
В многоэтажье, толчею и гомон –
Лишь тенью...

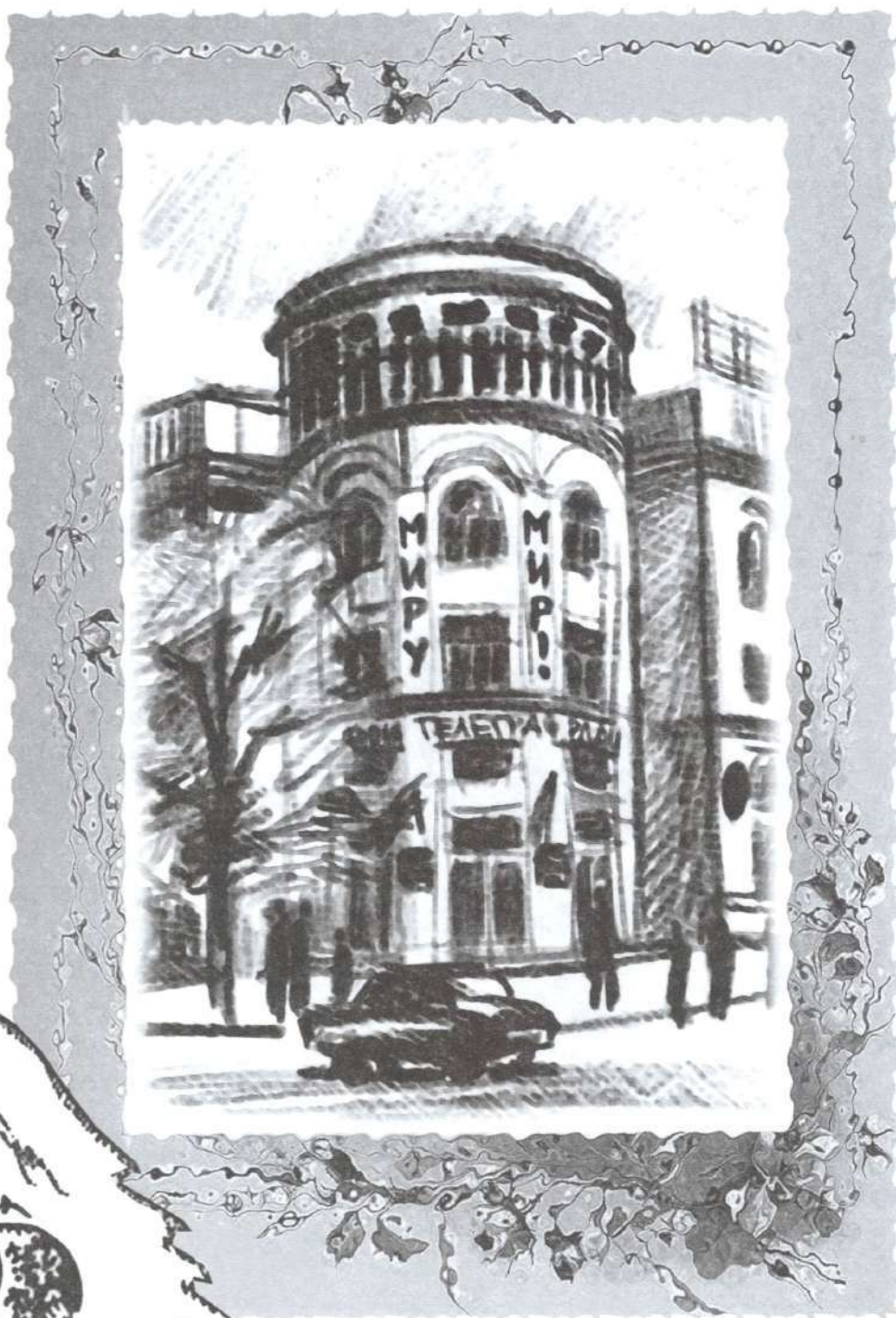
А теперь достанет сил
Вновь рифмовать, хотя и по-другому?

4.

Да что там император, высший свет,
Когда с самим собой согласья нет!
Когда, помимо тяготы изгнанья,
Томит бессилье, недостаток знания,
Тоска, болезнь или просто скука,
А то и бедность.

Вот бумага, ну-ка,
Бичуй порок, греми, с тираном споря.
«Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе...» –
Так жалуется светлый гений даже!
А ты-то, ты?!

А все туда, туда же...

Главпочтамт. Проспект В. Ленина. 1975

Свечение живого

(отрывок)

Пусть Пушкин в юбилей
Услышит наше слово:
Товарищ – «друг степей»,
Я – житель Кишинёва.

Где, «бес-арабский» пыл
В изгнании не утратив,
Писал что было сил,
С гетерией дружил,
С цыганами бродил,
Против течения плыл –
Не думал о расплате.

«Вниманье долгих дум»
Упорно развивая,
Любила смех и шум
Душа его живая.

Дошел из тех времен
К нам штрих автопортрета,
Что воспроизведен
В заглавье «Литгазеты»,

Где беглая черта
С пронзительною хваткой
Означила у рта
Неволю горькой складкой.

Его перо лежит –
Истерзанный огрызок, –
Как тот метеорит,
Чей путь к нам был неблизок.

Счастливая звезда
Дала и здесь собратьев,
Хоть город наш тогда
Слыл для него проклятьем.

И здесь немало жал
С отравой наготове.
Но Пушкин уезжал,
Вздыхнув о Кишинёве.
Как доля ни скупа,
И здесь он света полный...
Ведет его тропа
Людей под кроны Долны.

Старый дендрарий. 1986

И там, где он ступал,
Стихам внимают люди;
Для них земляк – Лупан,
Как и Орлов, и Дудин.

Сюда со всей планеты
Съезжаются поэты.
Здесь буйствовал и ты,
Мой друг из Элисты.

Ореховая баллада

Ночью, как сняли Хрущева,
Клен, что сажал в полной силе
Он посреди Кишинёва,
Тайно срубили.

Рвенье трусливой прислуги,
Перестаравшейся сдуру, –
Так вырезает в испуге
Строчку живую цензура.

В самом начале аллеи
Плешь оказалась большая,
Странной тревогою вея,
Стройность рядов нарушая.

Это почетное место
Выбрал не без успеха
Дядя иного замеса
Для именного ореха.

И посадил...
Хоть не скоро
Сам удален был с позором.
Деревце же – на месте.
Нет к нему злобы и мести.

Выжило деревце это,
И без таблички почетной
Временем новым согрето,
Трудным,
Но бес-по-во-рот-ным.

Ул. Болгарская. 1975

Июль над Кишинёвом –
Зной с влагой попеременно:
Чуть дождь, тут солнце снова
В дыму, как головешка.

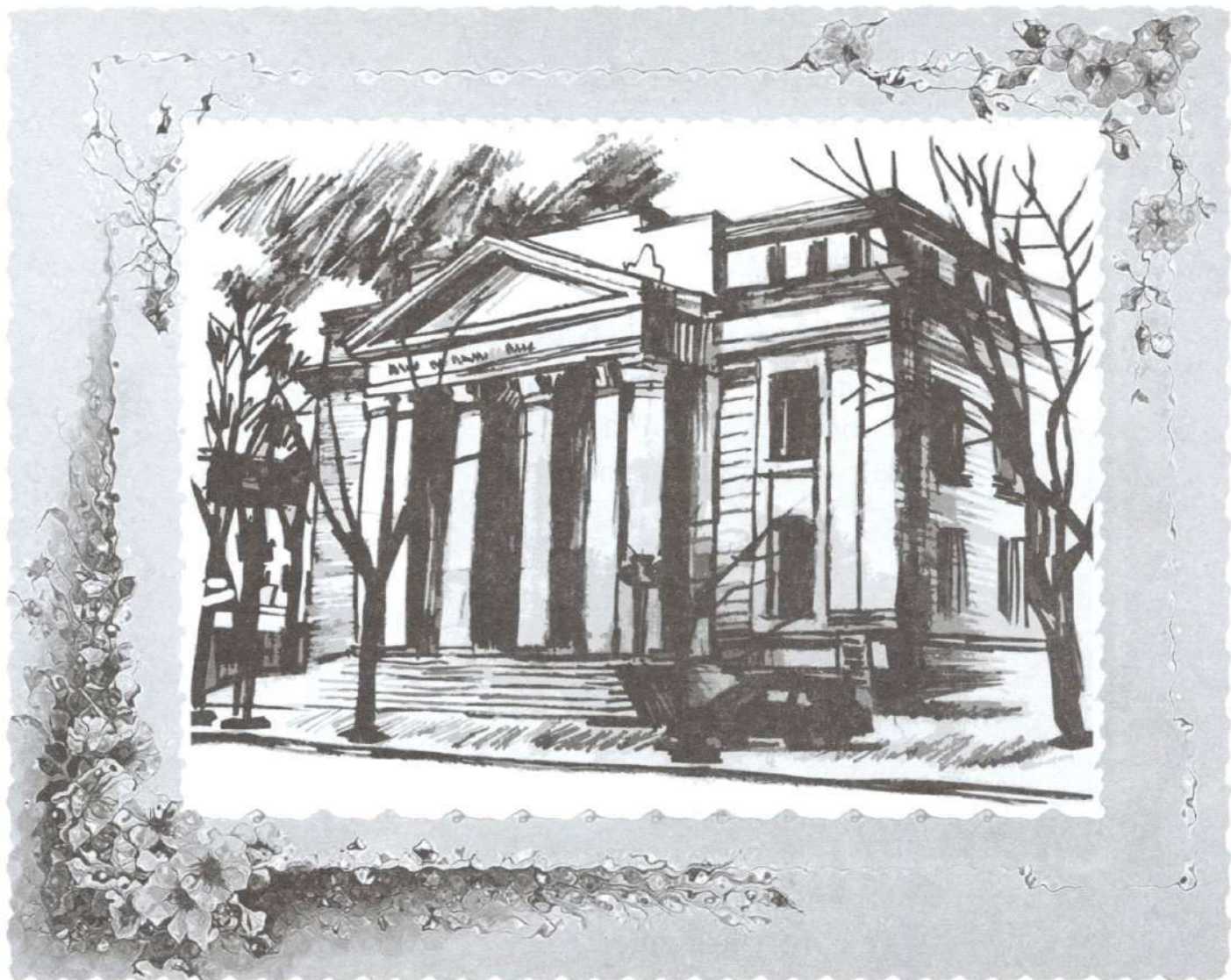
Жарища на буксире
Прохладу тучи тащит,
И вдруг как запузывает
Дождище настоящий!

Все кинулись под крыши.
Река на тротуаре.
А он сильнее – не тише –
Мощней и гуще шпарит.

Озвучен сумрак сизый –
Слились в напеве бравом
И брызги от карнизов,
И звуки труб дырявых.

И девушка под ситцем
Облипшем, как нагая,
По осевой границе
Вдоль улицы шагает.

Как будто лишь над нею
Обрушившись,
дождище
От смелости шалея,
Ее признанья ищет.

Молдавский государственный театр им. А. С. Пушкина
(ныне Национальный театр им. М. Эминеску). 1990

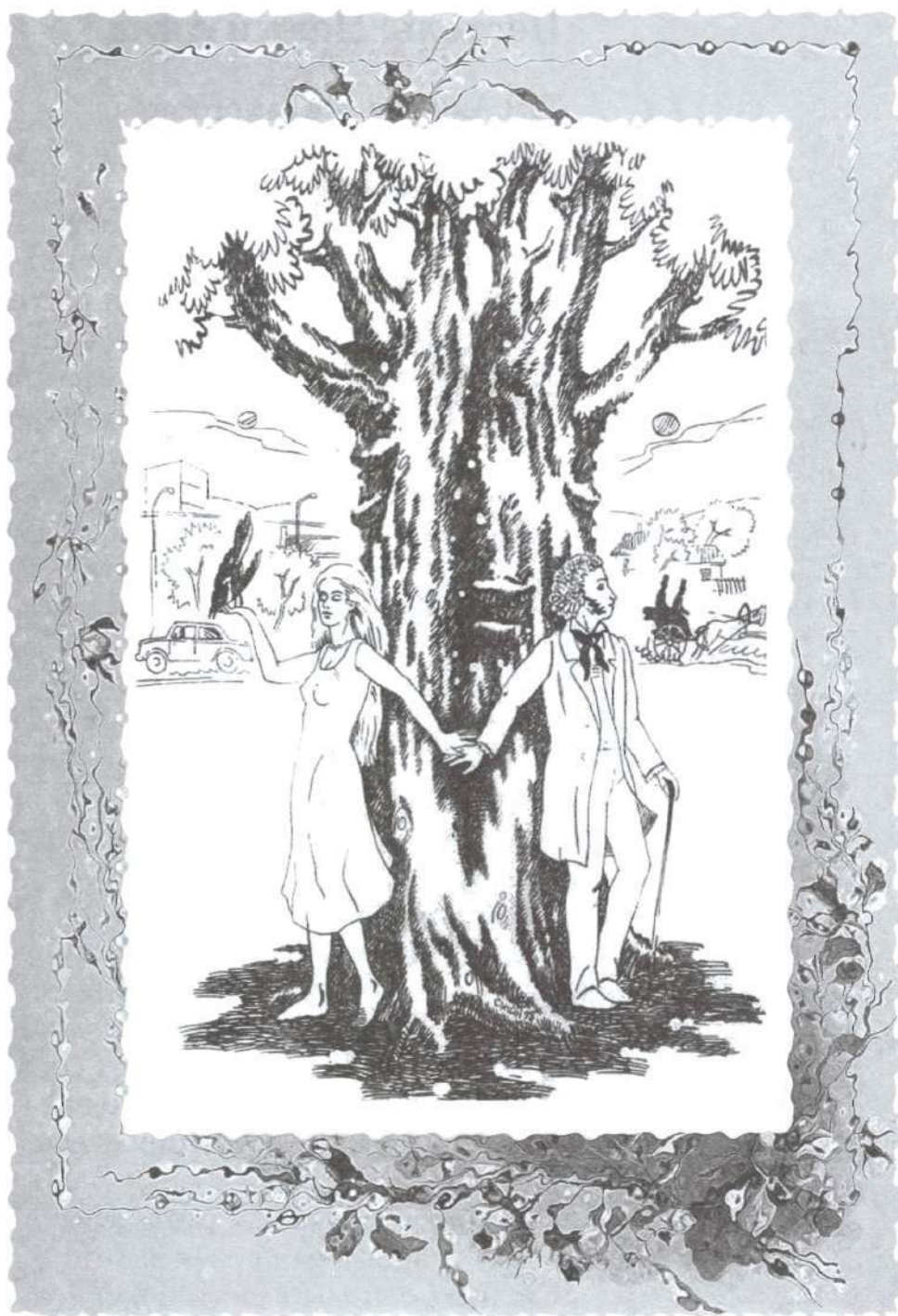
Пестель. Поэт и Анна

Там Анна пела с самого утра
И что-то шила или вышивала.
И песня, долетая со двора,
Ему невольно сердце волновала.

А Пестель думал: «Ах, как он рассеян!
Как на иголках! Мог бы хоть присесть!
Но, впрочем, что-то есть в нем, что-то есть.
И молод. И не станет фарисеем».
Он думал: «И, конечно, расцветет
Его талант, при должном направленьи,
Когда себе Россия обретет
Свободу и достойное правленьи».
– Позвольте мне чубук, я закурю.
– Пожалуйте огня.
– Благодарю.

А Пушкин думал: «Он весьма умен
И крепок духом. Видно, метит в Бруты.
Но времена для брутов слишком круты.
И не из брутов ли Наполеон?»

Шел разговор о равенстве сословий.
– Как всех равнять? Народы так бедны, –
Заметил Пушкин, – что и в наши дни
Для равенства достойных нет сословий.
И потому дворянства назначенье –
Хранить народа честь и просвещение.
– О, да, – ответил Пестель, – если трон
Находится в стране в руках деспота,
Тогда дворянства первая забота
Сменить основы власти и закон.
– Увы, – ответил Пушкин, – тех основ
Не пожалеет разве Пугачев...
– Мужичий бунт бессмыслен...
За окном
Не умолкая распевала Анна.
И пахнул двор соседа-молдавана
Бараньей шкурой, хлевом и вином.
День наполнялся нежной синевой,
Как ведра из бездонного колодца.
И голос был высок: вот-вот сорвется.
А Пушкин думал: «Анна! Боже мой!»

Пушкин в Кишинёве. Связь времен. 2000

– Но, не борясь, мы потакаем злу, –
Заметил Пестель, – бережем тиранство.
– Ах, русское тиранство-дилетантство,
Я бы учил тиранов ремеслу, –
Ответил Пушкин.
«Что за резвый ум, –
Подумал Пестель, – столько наблюдений
И мало основательных идей».
– Но тупость рабства сокрушает гений!
– На гения отыщется злодей, –
Ответил Пушкин.
Впрочем, разговор
Был славный. Говорили о Ликурге,
И о Солоне, и о Петербурге,
И что Россия рвется на простор.
Об Азии, Кавказе и о Данте,
И о движенье князя Ипсиланти.

Заговорили о любви.
– Она, –
Заметил Пушкин, – с вашей точки зренья
Полезна лишь для граждан умноженья
И, значит, тоже в рамки введена.
Тут Пестель улыбнулся.
– Я душой
Матерьялист, но протестует разум. –
С улыбкой он казался светлоглазым.
И Пушкин вдруг подумал: «В этом соль!»

Они простились.
Пестель уходил
По улице разъезженной и грязной,
И Александр, разнеженный и праздный,
Рассеянно в окно за ним следил.
Шел русский Брут. Глядел вослед ему
Российский гений с грустью без причины.

Деревья, как зеленые кувшины,
Хранили утра хлад и синеву.
Он эту фразу записал в дневник –
О разуме и сердце. Лоб наморщив,
Сказал себе: «Он тоже заговорщик.
И некуда податься, кроме них».

В соседний двор вползла каруца цугом,
Залаял пес. На воздухе упругом
Качались ветки, полные листвой.
Стоял апрель. И жизнь была желанна.
Он вновь услышал – распевает Анна.
И задохнулся:
«Анна! Боже мой!»

Ул. Армянская. 1975

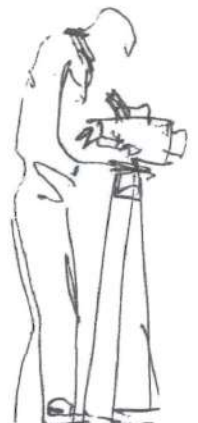
О том, чье имя вечно ново...

Воображаю, как вишнево
И персиково здесь весной
Под пряным солнцем Кишинёва,
Сверкающего белизной!
Ты, Бессарабия, воспета
Ведь солнцем Пушкина, и без
Сиянья русского поэта
Сияние твоих небес –
Пусть очень южных, очень синих –
Могло ли быть прекрасным столь?
Итак, с голов мы шляпы скинем
И скинем с душ тоску и боль,
Ежеминутно ощущая,
Что в беспредельности степей
С цыганами, в расцвете мая,
Скитался тот, кто всех светлей,
Кто всех родней, чье вечно ново,
Все напоенное весной
Благое имя, что вишнево,
Как вышний воздух Кишинёва,
Насыщенного белизной!

1933. Март, 13
Кишинёв

Ротонда. ЦПКиО. 1980

Боюканы

Боюканы – предместье.
Это известно любому.
Поднимаются в гору дома
Из добротного котельца.
И, как дети природы,
У каждого дома
Дополняют пейзаж
Тонконогие деревца.

Вот шумливые школьники
К сроку готовятся в школу,
К боюканскому спуску
Спешит и спешит детвора.
Позолоченный солнцем,
Московский автобус веселый
Тенорком говорит
Молодым пешеходам: Пора!

Пожилые каштаны
Проснулись и тянутся к свету.
День мужает и крепнет,
Приветствуя свод над собой
Только низкий пустырь,
У которого радости нету,
Недоволен покуда
Своей одинокой судьбой.

Мы поможем ему.
И недаром, вы только взгляните,
Землекопы равняют
Широкую площадь его.
Словно путники, в путь
Отправляются тонкие нити.
Я не знаю куда,
Я не знаю о том ничего.

Замелькали лопаты,
В пустынную почву вгрызаясь.
Ну, а мне неудобно:
Стою я, как столб, и молчу.
Я-то тоже не косвенно
К этому делу касаюсь,
Я-то тоже помочь
Настоящему делу хочу!

Платаны. Улица 31 августа 1989 года. 2015

– Дайте, братцы, лопату!..
А после правдивой работы
Необжитое место
Окинул мой пристальный взгляд:
Как пшеничные зерна,
Капли честнейшего пота
В эту землю вросли,
Чтобы рос ботанический сад.

Нет, не только мечта
Привела меня к этой равнине –
Вижу завтрашний день
В несравненной его красоте.
Боюканы – предместьем
Пускай называются ныне,
Мы идем в наступленье,
Верны многолетней мечте.

И отступит предместье
Под натиском лип и акаций,
Встанут дети природы
В зеленом убранстве своем.
Это – сущая правда,
С которой нельзя не считаться,
Это – новая песня,
Которую мы пропоем.

Мать

Мать моя родилась в Кишинёве
В прошлом веке –
невеселый век.
Мать!
В простом, великом этом слове
Оживает близкий человек!

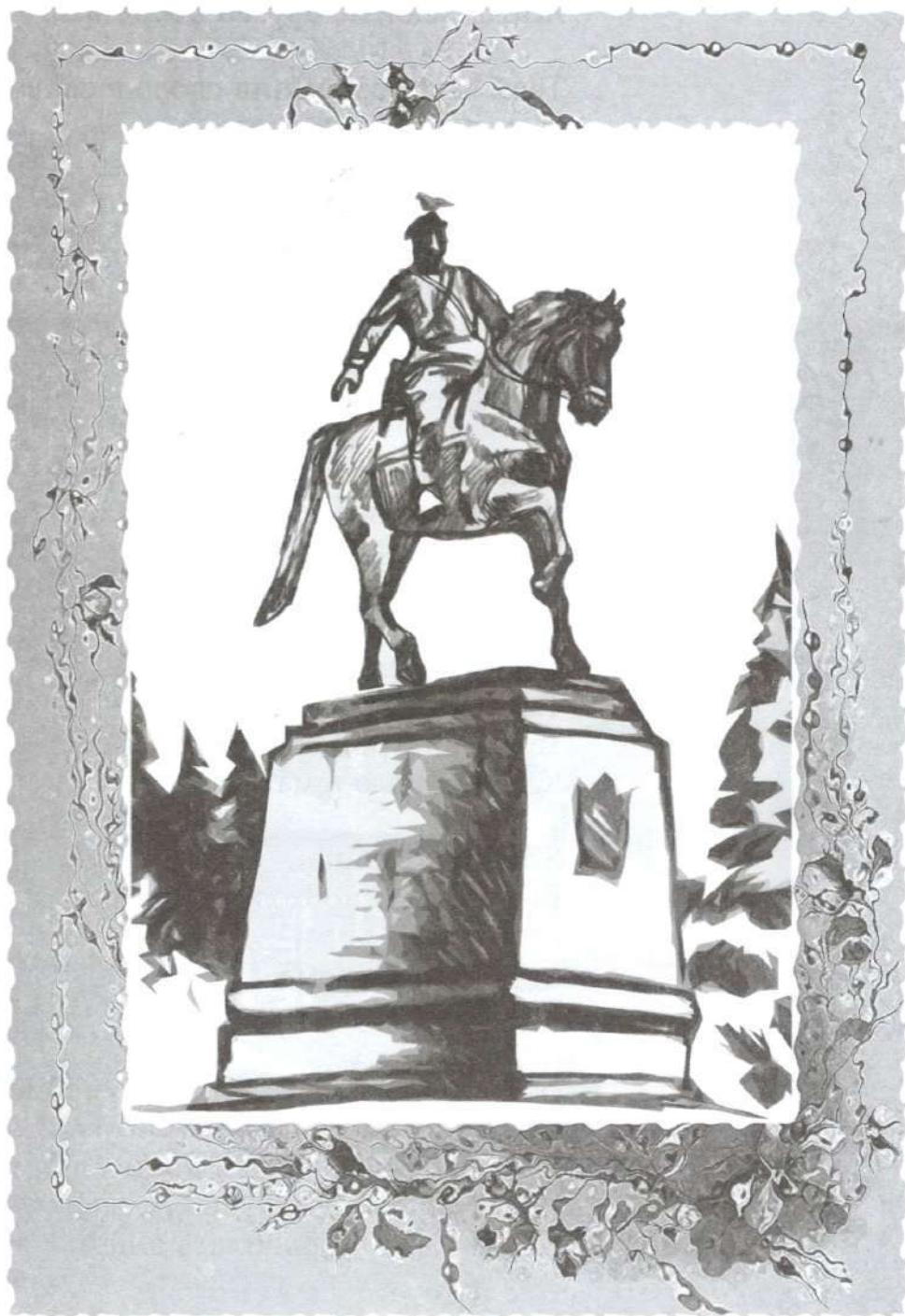
Все ли мы в свои края вернулись,
В те края, что ожидали нас?
Я не знаю,
на какой из улиц
Звездочка сердечная зажглась,

И росла, и становилась выше,
И светила, чтобы сын ее
По прямой дороге в люди вышел,
Чтобы счастье сохранил свое.

Государственный Русский Драматический Театр им. А.П. Чехова. 2000

Памятник Г. И. Котовскому
(скульпторы и архитекторы:
К. Китайка, И. Першудшев,
А. Посядо, Ф. Наумов,
Л. Дубиновский.
Открыт в 1954). 2017

Из венка сонетов «ВЕСЕННИЙ ГОРОД»

1

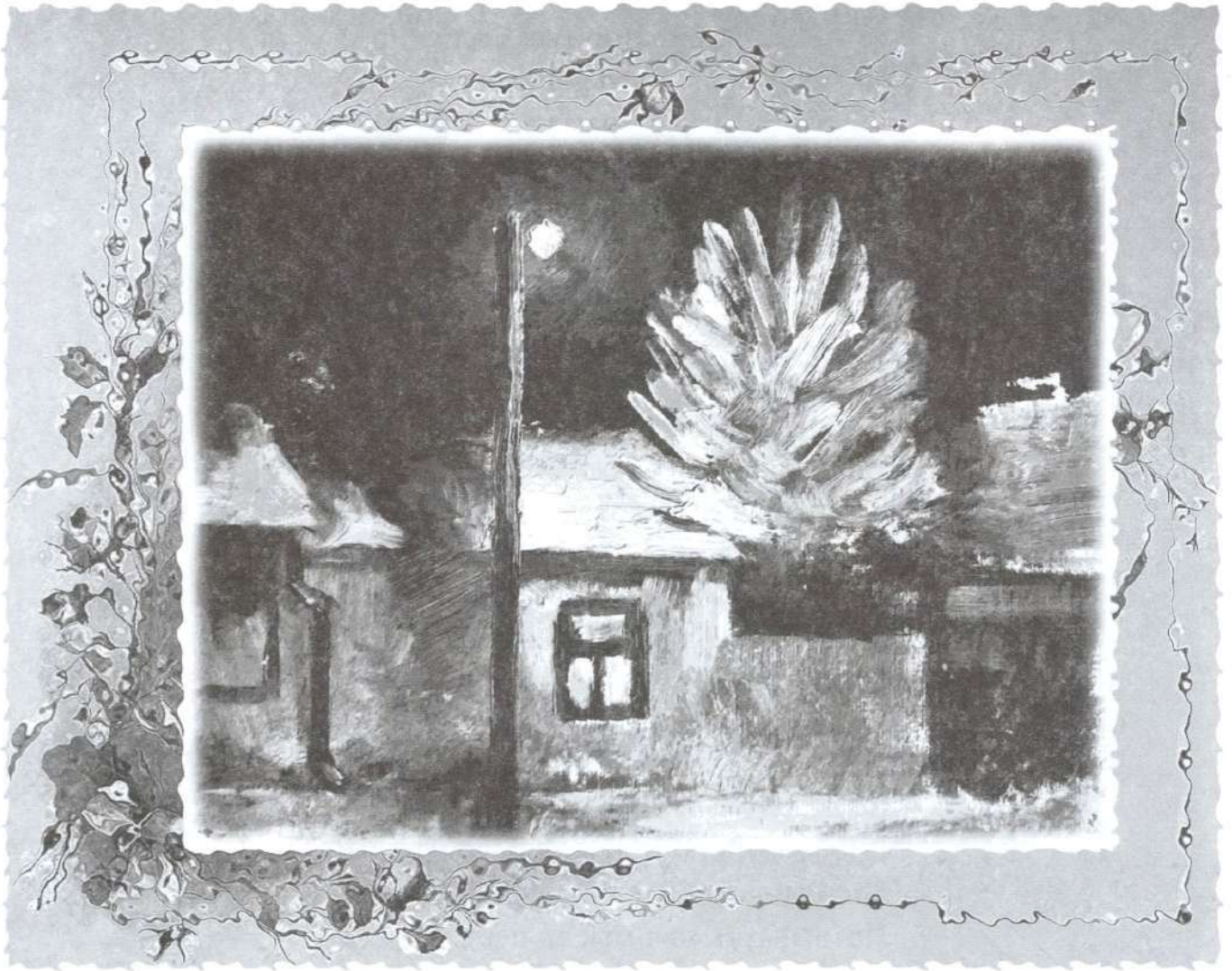
Весенний город – вольная душа,
Он вечно с нами неразлучен, вечно.
И хорошо под вечер, не спеша,
Пойти к подругам и друзьям сердечным,
Прозрачным, чистым воздухом дыша
У древних тополей остроконечных,
Акаций – наподобие ковша
Природой опрокинутых беспечно.
Неторопливо листья шелестят,
Как будто людям рассказать хотят
О том, что их волнует и тревожит.
Прошу, на миг остановитесь вы,
Прислушайтесь к дыханию листвы,
Попутчик мой, неузнанный прохожий.

2

Попутчик мой, неузнанный прохожий,
Необходим вам каждый уголок
В том городе, к которому, быть может,
Вело немало пройденных дорог.
День, угасая, месяцы итожит,
А месяц – годы. Путь еще далек.
Он из удач и поражений сложен
И, верно, потому не одинок.
Парк Пушкина хранит былые думы
Властителей умов. Из мглы угрюмой
В наш век пробился их бессмертный свет.
Они возведены на пьедесталы
Потомками, чья мысль перелистала
Страницы жизни – памятники лет.

3

Страницы жизни – памятники лет.
Давно ли властвовал над миром грохот
До той Победы – главной из побед,
Которой знаменуется эпоха?
Герои гибнут, оставляя след
В людских сердцах. Устроен мир неплохо
Там, где прощенья не было и нет
Врагам – исчадию чертополоха.

Зима. Ул. Армянская. 1975

Лежат в могилах сверстники мои,
Весной над ними свищут соловьи,
Багрянцем осень украшает камни.
А мы живем, чтобы цвели цветы,
Взращенные руками доброты,
И помним, помним о беде недавней.

Продолжение лета

Начинается осень.

Город весь в позолоте.

Остальные приметы повсюду найдете.
Шелковицы покрылись пушком шелковистым,
Шелковинки по городу ветер разносит.
Пахнет спелыми фруктами в воздухе чистом
И вином молодым.

начинается осень.

Не спешите, прохожий!

С днём осенним богатым

Я хочу вас поздравить, как друга, как брата.
Вы немного задумчивы?

Это бывает

С человеком, которому, осень, быть может,
Задумчивые мысли свои напевает.

Расскажите о том,

не спешите, прохожий!

– Я влюблен, дорогой мой,

В каждый кустик невзрачный,

В ручеек, что гордится водою прозрачной,
В каждый камушек, самый по виду обычный,
В голоса детворы городской беспокойной,
В постового на площади нашей столичной,
В незнакомых друзей...

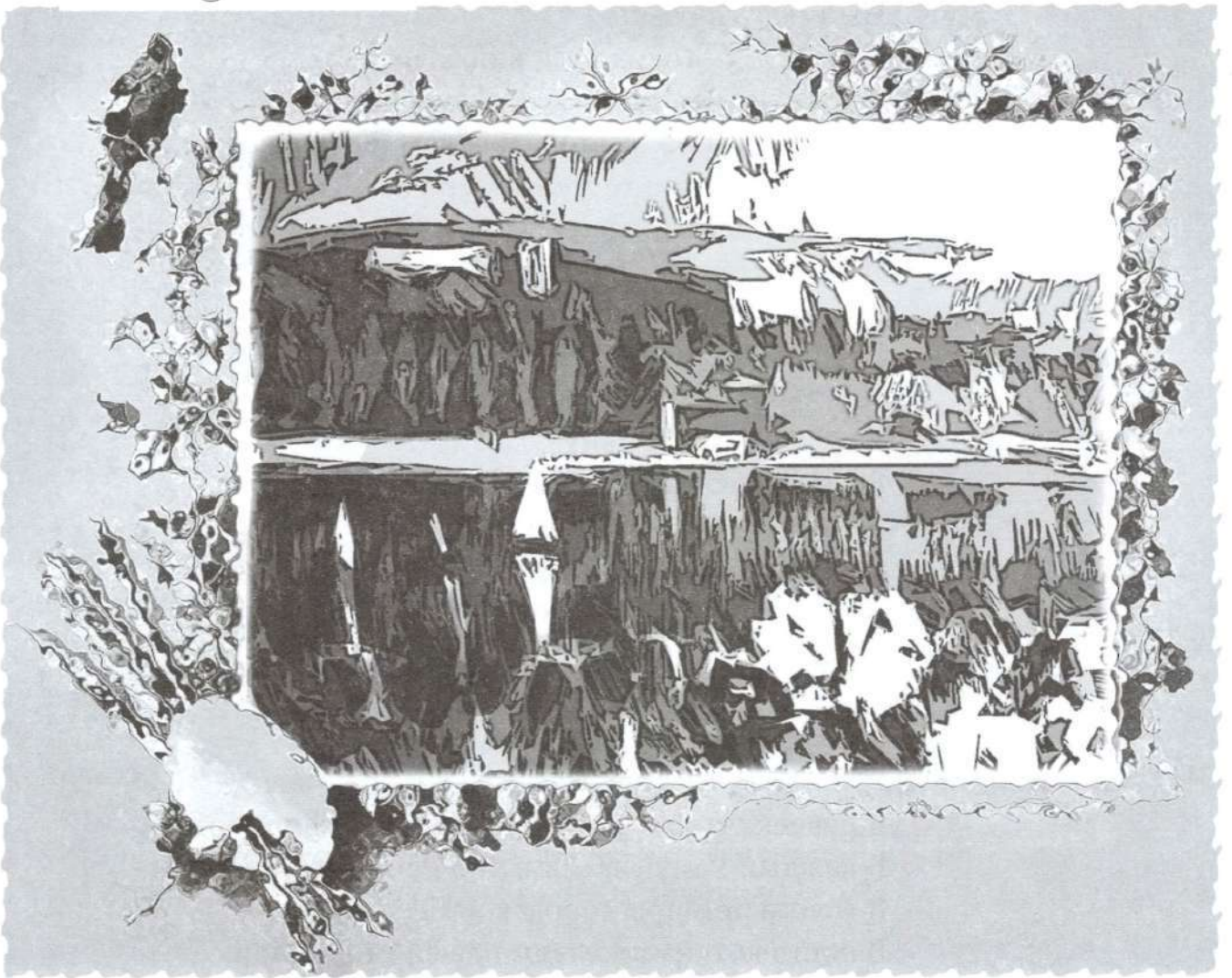
Я влюблен, дорогой мой.

Продолжается лето.

Прошу убедиться!

Никуда улетать не торопятся птицы.
В белоснежных костюмах проходят мужчины,
Рядом – женщины в летнее платье одеты,
И горячее солнце по этой причине
Улыбается нам.

Продолжается лето.

Комсомольское озеро. ЦПКиО. 1985

Шизино

Много странностей и совпадений
Ожидает на каждом шагу.
Я, конечно, ребята, не гений,
Но сложить пару строчек могу.
Я ж не нашей романской породы
И почти что совсем не еврей.
Мне моральные чужды уроды,
А причёска, увы, из бровей.

Я же не «же си па» по-французски,
Кроме там «же не ма па сис жур».
Я пишу и читаю по-русски,
Два стакана и дым в абажур.
Но однажды, когда за границу
Я собрался на мир посмотреть,
Опозорил родную столицу
Не на четверть, а сразу на треть.

А я как замороженный
Гляжу на мир в окно,
А мне червяк таможенный:
«Так Вы из Шизино»
«Да нет из Кишинёва я»
И паспорт в рожу, но...
«Что за столица новая?
Где ваше Шизино?»

Тут я призадумался всё же
И земля поплыла из-под ног.
Неужели заметно по роже?
Я ж всё время старался, как мог.
Я же сущность убогую прятал
За улыбку кашне и пиджак,
Но надежду оттяпал, ребята,
Этот гнусный таможенник Жак.

И напала до горького вздоха
На меня вековая печаль.
Это как же просёк он, пройдоха?
Любознательный ты наш, Рошаль.
Что на мне, как на всех наших лицах
Неизменно и вечно клеймо,
Да такое, что в пору напиться
Мы ж из бывшей страны Шизино.

Не вымолвить ни слова,
Весёлое кино.
Выходит так, что снова
Мы все из Шизино.
И не причём столица
Обидно, что давно
Мелькают наши лица,
И все из Шизино.

Комсомольское озеро. ЦПКиО. 1984

